

Владимир Куприенко

Владимир Алексеевич Куприенко родился в 1952 на приiske Октябрьском Зейского района Амурской области, окончил истфил Благовещенского пединститута и отделение журналистики Хабаровской высшей партийной школы. Работал на золотых приисках, в мостостроительной бригаде на БАМе, журналистом в ряде газет. С 1994 по 1997 руководил пресс-службой администрации Амурской области. Был главным редактором амурского приложения к газете «АиФ — Дальний Восток», собственным корреспондентом Дальневосточного бюро международного сообщества журналистов-аналитиков и политологов. В настоящее время К. — главный редактор издательского дома «Амурский пресс-клуб». Член Союза писателей России. Автор десяти сборников художественной прозы.

Рассказ

Тринадцать поминальных стопок

Ежегодно 9 мая Юдифь Марковна Инина накрывала стол на тринадцать персон, и вся семья — кроме главы — покидала на весь день квартиру. Так было всегда, с 1947 года. Старший сержант разведроты снайпер Семён Исаакович Инин праздновал с ротными братьями Победу. Она не была для них Великой. Она была тяжкой. Тяжкой работой.

Их было тринадцать. Тринадцать дальневосточников. Сразу — тринадцать. Чёртова дюжина. Их так и звали — «чёртова рота», а потом просто — «черти». На первый взгляд совершенно безбашенные, но только на первый. Все как один — таёжники. Люди разных профессий, но таёжники. К примеру, Петя Гаев — шофёр, а Коля Лысов — ветеринар, Стас Берковский — горняк, а Матвей Гуляев — столяр-краснодеревщик, Сёма Инин — аптекарь, фармацевт, а Жека Краснопёров — пожарный. И так далее. У каждого своя трудовая судьбина. Но все — таёжники, охотники, стрелки. Самый «прилежный» из всех — Сёма, его тут же в снайперы штатные определили, да и спецкурсы он прошёл до отправки на фронт.

Инин сразу стал «душеприказчиком» роты. Человек такой — внимательный, участливый. Если потемнело на душе — к Семёну. Выслушает, приобнимет: мол, всё образуется. Именно так он говорил: «Ничего, дружище, не кручинься, всё образуется. Перемелется — мука будет». И непременно добавлял: «Нам ли горевать — наши семьи далеко, туда немцу никак не добраться».

Они все вернулись. Все как один. С войны. С тяжкой повседневной работы. Они вернулись и больше никогда её не вспоминали. Потому что ничего не забыли. Первый раз собрались у Сёмы в сорок седьмом. Ротные братья. По

первой выпили молча, в память о тех, кто не вернулся, не сумел. Они сумели, а многие... Как много этих «многих», Господи!

По первой выпили молча и ещё помолчали. Кто о чём вспомнил в тот момент? А потом услышали робкое: «Мальчики, вы б закусили...» Жена Семёна — Юдифь — попросила, и «мальчики» сразу повеселели — и тут же выпили вторую, традиционную: «Шоб везуха на весь день!» Так на второй день совместной службы сказал за ужином хохол Денисенко. И прижилось — «везуха» жила с ними все годы. Везуха как ангел-хранитель. Вот ведь как...

Тут же и по третьей опрокинули. Тоже традиционно — за любовь. Этот тост Сёма внедрил. Сказал: «А давайте, мужики, третью опрокинем за любовь. Просто за любовь. За любовь к жизни, к близким нашим, и всем, всем. За любовь — до дна!» За ужином они всегда пили три по пятьдесят чистого спирта. Это не были знаменитые две по двести «наркомовских», наутро им нужны были свежие головы и твёрдые руки. Особенно Семёну.

В сорок девятом «везуха» им изменила: умер Вася Брянцев. Совсем по-дурному. Энцефалит. Войну прошёл, а от укуса козявки умер. Так сказал Командир, старлей Дима Полещук: «Надо же, всю тяжесть прошёл, а от укуса какой-то жалкой козявки умер. Это как, мужики?»

И в пятидесятом на столе появилась сиротливая стопка, накрытая хлебом. Первая. Стопка появилась, но её как бы перечеркнула новая жизнь: у Ининых родился сын. Василием назвали. Вася ушёл, Васятка пришёл. Всё правильно. Тогда Юдифь спросила мужа: «Скажи, Сёма, почему вы никогда не говорите про войну? И ты не ходишь на парад Победы. Почему?» Семён лишь пожал плечами, но потом сказал: «Живым — живое, Юся. А парад... что парад, игрище какое-то. Извини, не по мне всё это». Юдифь слышала, что истинные фронтовики о войне не говорят. А те, кто на каждом углу и всюду «долдонят», те, как правило, передовой и не нюхали. Может, так и есть, а может, и не так — кто знает? Сёма знает и его ротные братья, но они не говорят.

На Новый год они всегда собирались семьями. У Ининых. Так уж повелось. Жили все неподалёку, съезжались дружно. Ёлку вместе наряжали, веселились от души, хороводы с детьми водили. Искренне радовались. Да ведь и было чему — страна семимильными шагами выходила из военной разрухи и уверенно шла к победе коммунистического труда. Никита Хрущёв даже дату назвал — 1980 год. Семён усмехался, а мужики тянулись с вопросом: «Что, Сёма, думаешь — туфта?» Думать «такое» в ту пору было опасно, Семён поднимал руки: мол, что вы, что вы. И всегда повторял расхожую, но глубокую по внутреннему содержанию фразу: «Надо всё на совесть делать, а там будь что будет». Оно и верно: каждый на своём месте — на совесть, так и результата ожидать можно с пользой для всех. Ведь так?

С пятьдесят пятого по пятьдесят девятый появились ещё три поминальные стопки. Причём так же нелепо. Лёню Ганичева сбила «пьяная» машина. Ивана Коровина на охоте случайно (и впрямь случайно) настигла кабанья пуля. Кешу Хворостина пырнул в живот какой-то сопляк, когда Кеша вступился за дев-

чонку. «Скорая» опоздала. Командир спрашивал: «Это что, мужики?» Мужики молчали. Семён отметил, что пить водку его ротные братья стали жадно.

О войне с каждым годом говорили всё громче и громче, а фронтовиков становилось всё меньше и меньше. Их начали возносить и как-то виновато обхаживать: жильё, пенсии, бесплатные путёвки, автомобили и прочее нечто. Однажды на экране телевизора Семён увидел и услышал человека, рассказывающего о боевых действиях «своего родного» полка. В войну этому «фронтовику» было лет десять, не больше. Семён знал его отца, он воевал на соседнем фронте и погиб, а сын «подхватил эстафету». Число таких «фронтовиков», увы, неустанно росло.

Семёна Инина постоянно куда-то приглашали, но он не ходил. Не отказывался, но и не ходил, ссылаясь на нездоровье. Однажды к ним домой пришли школьники и поздравили его с восьмидесятилетним юбилеем. Из их витиеватых слов следовало, что Семён Исаакович Инин — Герой Советского Союза. Юдифь Марковна в полной растерянности пролепетала: «Это правда, Сёма?» Инин ласково погладил жену по спине: «Ну что ты, Юся, сегодня все участники той войны — герои». Он так сказал: участники ТОЙ войны, словно у него была какая-то своя война...

Последние семь лет старший сержант, разведчик, снайпер Семён Исаакович Инин 9 мая сидел за столом, накрытым на тринадцать персон, один. Юдифь Марковна тщательно всё готовила и уходила на весь день к подруге. Она уходила спокойно и мысленно представляла, видела, как её любимый человек и муж Сёма деловито наполняет все стопки и начинает своё удивительное действие.

А Семён и впрямь поднимает стопку и говорит: «Ну, здравствуйте, братишки мои. Начнём, пожалуй. Первую, как всегда, — молча? Матвей Сергеевич, а чего это ты сачкуешь?! Ах у тебя печень! Вы слышите, мужики, у него печень. У него печень, а у нас, значит, хренечень. Коля, да какая разница, шо за годовщина нынче?! Мы разве годовщины собрались отмечать?! Командир, отведай своего любимого студенья, Юся специально для тебя старалась. И горчички зацепи, уж больно ядрёна, я пробовал. Кеша, а шо сидим, наливай по второй. Шоб везуха на весь день, мужики! Ваня, ну шо ж ты молчишь за своего правнука. Тож Иваном назвали?! Ну, уважили. И тебя, и нас. А шо, живым — живое. Пусть растёт Ванятка здоровеньким! Лёня, Лёня, ты чего там загрустил? А ну-ка, бери баян, запевай нашу. Вот и славно, вот и славно, мужики. Хорошо сидим, правда. Вот сейчас по третьей, да пойду я на кухню за горячим. Борщ у нас нынче. Так што, дорогие мои, за любовь! Хоть вы меня и бросили, я вас всё одно люблю крепко. Всё бы ничего, родные, только уж больно одиноко мне тут. К вам уже давно пора. А всё никак...»

Инин вздыхает тяжело, но тут же встряхивается: «Кому сидим, мужики?! А под горячее? Стас, сгоняй-ка на кухню за чесноком, он на столе уже чищенный. Налегайте, братики, борщ у Юдифь Марковны завсегда знатный. Сметанки, сметанки не забывайте. Как думаешь, Петруша, а не извлечь ли нам ещё парочку беленькой из морозилки? Водочка у нас нынче зачётная — «Амурская

де люкс» и «Байкал». Я вот чё смотрю, касатики, что-то вы стали изрядно побухивать. Нет? Тогда прощенья просим. А я сегодня нарежусь, истинно нарежусь. С каждым по стопке. Двенадцать по пятьдесят, а?! Это што, шестьсот граммчиков за воротник выходит? Да и фиг с ним, поболею завтра, а Юся меня рассолом спасёт. А штой-то ты, Мотя, про свою Аннушку ничего не говоришь? Как она после инсульта? Левая сторона нерабочая? Так левая вроде не страшно, отойдёт. Ты как считаешь, Айболит?»

Однажды Юдифь Марковна замешкалась, не ушла сразу и стала свидетельницей этого престранного действия. Потом подруге говорила: «Веришь, Люся, у меня волосы дыбом. Сёма с ними — как с живыми. А в комнате-то, кроме него, — никого. Понимаешь?! Я уж, грешным делом, хотела скорую вызывать. Честно! Но потом-то ничего, слава Богу. Всё, как обычно. Я поняла: Сёма это специально. Он войдёт в образ, наговорится вдоволь со своими друзьями, а потом год нормально живёт. Я правильно проблему вижу, Люся?»

«После борща» Инин предлагает ротным «пройтись по чайку». «Нашего заварим, крепкого, со смородиновым листом. Чё ты шуришься, Краснопёр? Двигай на кухню, чай — твоя забота. А вот на костерке бы чайку заварганить, а? Да-а-а... А помнишь, Васька, как ты чайник на борт окопа поставил? Тут же немец его пулей протянул от бока до бока. Я потом этого «гляделу» выцелил и за чайник отомстил. Пусть знает теперь на том свете! Чайник — вещь неприкосновенная, это и без перевода во всём мире известно».

После двенадцати стопок Семёна Исааковича изрядно «забирает». Он часто-часто моргает, но это не помогает, надо укладываться — без вариантов. Инин, уже смачно зевая, обращается к друзьям: «Што-то я затяжелел, братики. Пожалуй, пойду, прикемарю чутка, а вы продолжайте. Командир, ты на раздаче. Без напряг, пацаны!» Семён Исаакович подходит к дивану и аккуратно укладывается...

Вернувшись домой, Юдифь Марковна живым мужа уже не застала. Это случилось 9 мая 2014 года. Хорошо ушёл: лёг, уснул сладко и не проснулся больше. Не проснулся больше солдат ТОЙ войны — Великой Отечественной — старший сержант Инин. Вот ведь как.